МОЙ УНИВЕРСИТЕТ

ДИАНА БЕРЕСТОВСКАЯ

«НАШ КУРС ПРОШЁЛ ЧЕРЕЗ ВСЕ ЭТИ СОБЫТИЯ...»

Диана Сергеевна Берестовская, родилась 26 мая 1934 года в Воронеже. Место моего рождения было связано с некоторыми фактами жизни моих родителей, крымчан. Папа, Сергей Степанович Берестовский, типограф, был командирован из Симферополя в Воронеж в начале 1930-х годов по линии «Союзбумсбыта». В Воронеже, а затем в Липецке, семья задержалась до 1940 года, а затем возвратилась в Симферополь.

1930-е годы в Крыму были очень сложными, и мама буквально «перетащила» в Воронеж свою мать и сестер, которые обосновались на новом месте. Поэтому до сих пор в этом городе у меня достаточно много родственников: двоюродные сестры, их дети, внуки... Мы достаточно крепко связаны, несмотря на всяческие ситуации, время от времени случавшиеся в жизни нашего государства (как то «подарок» Хрущевым Крыма Украине — в это время я училась в ВГУ, развал Союза, наше «украинское» прошлое в 1990—2000 годы и т.д.).

Решение учиться на филологическом факультете появилось у меня ещё в школе. Надо сказать, что училась я в необыкновенной школе – симферопольской 1-й средней школе им. К. Ушинского. Ныне это гимназия, сохранившая имя великого русского педагога. Как и мужская казенная гимназия, она основана в 1812 году (недавно отмечали 200-летие). В школьном музее — галерея знаменитых учеников: Айвазовский, Курчатов и др. Премьер-министр России Д. Медведев, посетив нашу школу летом 2014 года (после известных событий), назвал эту гимназию — «намоленным местом».

В мое время там работали необыкновенные учителя. Я пришла работать в свою школу в 1960 году, когда моя учительница русского языка и

литературы Людмила Владимировна Барсова выходила на пенсию.

Именно она научила нас работать над текстом, благодаря чему мы знали наизусть не только поэзию, но и прозу. А ещё Людмила Владимировна устраивала нам «Литературные вечера», когда мы ходили в театры на спектакли по классическим произведениям (не только драматические, но и оперные), которые потом бурно обсуждали... Всё это формировало не только любовь к будущей профессии, но и душу. Впоследствии — и в школе, и в разных высших учебных заведениях — я сама подобных «вечеров» провела множество.

Девочки из моего класса были разной подготовки (мы учились в женской школе, раздельная форма обучения была отменена уже после нашего выпуска), но костяк класса был очень сильным. В моей компании, к примеру, вообще не принято было плохо учиться. Требовательность учителей была очень высокой. Нас в двух выпускных десятых классах было 48 человек (после войны были и неполные классы), из них – 12 медалистов (6 золотых, 6 серебряных). Ничего похожего на нынешнее «формирование» медалистов, чуть ли не с начальной школы, в наше время не было. Тогда мы понятия не имели, что «идём на медали». А ведь в каждом классе, начиная с 4-го, сдавали экзамены по всем предметам. Помню, что в 7 классе (тогда обязательной была именно семилетка) было два экзамена по русскому языку – диктант и изложение. В 10-м (выпускном) мы сдавали письменно не только литературное сочинение, но и работу по математике с полнейшим объяснением всех математических действий. А это означало, что одна только грамматическая ошибка (при совершенно правильных математических действиях) могла снизить оценку. И все писали, все решали, получая, конечно, разные оценки, но двенадцать медалей нашего выпуска говорят сами за себя...

До сих пор дружу со своей соученицей Стеллой Козловской (это в школе), а ныне — Стеллой Ивановной Андриевской, кандидатом математических наук, доцентом Бауманского института (тоже, вроде меня, ещё работает, читает сопромат!). Перезваниваемся, раньше встречались каждое лето в Крыму...

Моя жизнь в Воронеже в 1951–1956 годах, когда я училась на историко-филологическом факультете ВГУ, не всегда была безоблачной, но изменить своей школе я не могла. Да и иной привычки, кроме как учиться на «отлично», у меня не было. Мои преподаватели в ВГУ способствовали этому. Вдобавок, в Воронежском университете я училась любимым с детства (не хочется говорить – «предметам», «дисциплинам») смыслам всей моей последующей профессиональной деятельности.

Каким я нашла Воронеж в 1951 году? Город был разрушен во время войны так же, как и Севастополь. Моих родственников немцы выгоняли из города, как и в Севастополе (там жила старшая сестра моей мамы). Я не знаю, что сталось сейчас с теми домами (два, по-моему, трёхэтажных корпуса недалеко от

вокзала), где мы учились и где были наши общежития – отдельно женское и мужское. Сегодня мои студенты не могут поверить, что в комнате, где я жила на 1-м курсе, было 18 человек. Настоящая казарма! Я была самая «маленькая»: мне только что исполнилось 17 лет. В комнате, как и в нашей учебной группе, все были старше, некоторые — значительно: пропустили школьные годы во время войны. А к примеру, Юра Яновский вообще был участником Великой Отечественной войны... Когда мы приехали после каникул на 2-й курс, комнату перегородкой разделили на 2 части: по 9 человек.

Удобства: на этаж — один туалет, на всё общежитие — одна кухня на первом этаже. Готовили на керогазах (как покупали керосин — не помню). Душ — один раз в неделю, тоже на 1-м этаже. Вокруг здания — развалины...

Когда моей дочери исполнилось два года (1960 г.), я с ней приехала в Воронеж (к моим родственникам и к её дедушке и бабушке в Рамонь). Развалин уже не было, к вокзалу вела улица Мира. В последний мой приезд (март 2014 г.) я там не была (просто стала менее мобильна), ограничилась посещением бывшего главного корпуса...

Все эти девушки-филологи жили в одной комнате № 56 общежития № 2 ВГУ. Крайняя справа в третьем ряду – Д. Берестовская. Воронеж, ноябрь 1951 года

Незабываемое 1 сентября 1951 года. Первое занятие в Университете — физкультура. Плавание на реке Воронеж. Температура воздуха 14 градусов, а воды — и того меньше. Помню, 100 метров «по-собачьи» я тогда всё же проплыла. А потом пришла зима, и надо было сдавать лыжный кросс в СХИ. А я в Крыму и снега-то не видела! И вот теперь, чтобы сдать зачет, надо было пройти на лыжах 3 км. Как мне удалось выполнить это — помню смутно. Преподаватель сказал тогда: «Ладно, что с тебя возьмешь, — считай, что сдала». Пробовала посещать конькобежную секцию, но дальше первого занятия дело не пошло...

Поначалу я не знала, что во время учебы нас разделят на две подгруппы – литераторы и лингвисты. Я, конечно, была литератором. Но лекции, как и сейчас, слушали вместе, как и экзамены сдавали одни и те же. Вот только семинары были разные.

Хотя я и не была лингвистом, но хочу отметить, что до сих пор в стране очень высоко ценится именно школа воронежских лингвистов. Помню, кафедрой лингвистики в мои студенческие годы заведовала доцент Валентина Ивановна Собинникова. Когда в 1960 году, будучи школьной учительницей,

я начала подрабатывать в Симферопольском госуниверситете (вела практические занятия сначала на кафедре русского языка, а уже потом – литературы), профессор В.Н. Мигирин, заведующий кафедрой, сразу спросил: кто меня учил в Воронеже? Я назвала Собинникову. Для него уже тогда это была лучшая характеристика.

Сохранилось фото нашего первого курса. На нем, вместе с нами, студентами, — наш куратор С.Г. Лазутин, читавший фольклор, преподаватель С.И. Челноков, читавший «Введение в языкознание», — благообразный интеллигент с бородой, очень любимый нами... Слушала его наша группа, помню, в 11-й аудитории, на 1-м этаже. Там стояло пианино. Семён Иванович прекрасно играл. И мы нередко прямо посреди лекции просили его сесть за инструмент...

Я пришла в ВГУ в последние годы жизни Сталина, была студенткой, когда он умер, а получила диплом уже после XX съезда, разоблачившего культ личности... Наш курс прошел через все эти события.

Помню, в первый год учебы у нас был предмет – «Введение в языкознание». Весь он заключался в изучении сталинской брошюры «Марксизм и

Такими мы были на 1-м курсе. Я, Диана Берестовская, – первая справа в третьем ряду. Вторая слева во втором ряду – староста нашей группы Мила Французова, справа от неё – преподаватель марксизма-ленинизма В.С. Гончаров, рядом – преподаватель языкознания С.И. Челноков, второй справа в этом ряду – наш куратор С.Г. Лазутин. 1951 год

№9 • 2016

Молодежены – Диана Берестовская и Геннадий Золотухин

вопросы языкознания». Думаю, наш добрый бородатый Семён Иванович с удовольствием исполнял наши просьбы и садился за инструмент, чтобы найти повод не произносить в очередной раз: «товарищ Сталин сказал...».

А с нашим куратором доцентом Лазутиным был связан один незабываемый для меня эпизод. Наша группа решила коллективно, в полном составе, встречать новый 1952 год. «Стол» готовили сообща. А время было довольно бедное. Решили, что «царицей» застолья должно стать ведро винегрета, который нарезали все девочки группы. Куратор просидел с нами всю новогоднюю ночь (не знаю, было ли то указание руководства или его инициатива). 1 января был выходной день – все спали. А 2 января началась сессия. У нас был зачёт по фольклору. Как мы его сдавали – не знаю, но сдали, помню, все.

Два года мы изучали латынь, а потом и латинскую поэзию с заучиванием наизусть некоторых стихотворений. Преподаватель С.А. Рыкова вполне оправдывала свою фамилию строгостью и требовательностью. Ребята — участники войны (у историков их было несколько) говорили, что не так боялись перед боем, как перед латынью. И вот за свое усердие те, кто два года исправно выполнял задания, получили долгожданные «отлично». Я очень благодарна этой строгой женщине сейчас, когда мне приходится читать студентам курс античной культуры. А впервые античную литературу я услышала из уст Аллы Борисовны Ботниковой и полюбила её (и литературу, и Аллу Борисовну) на всю жизнь.

Сегодня я провожу «Великие Дионисии» — занятие-игру с инсценировкой «Прометея Прикованного» Эсхила, конечно, в адаптированном к условиям занятия виде. Могу похвастаться, что один раз, в прошлом году, исполнилась наша (меня и студентов) мечта: в рамках нашей конференции мы выступили в антураже античного театра в Херсонесе (есть даже ролик – снимало Севастопольское телевидение).

Помню ещё один экзамен у Аллы Борисовны. Мне достался билет с вопросом: «Памфлеты Свифта». Сегодня я бы на него, кроме самых общих сведений, ничего не ответила. Тогда получила «отлично».

Незабываемый предмет – ОМЛ («Основы марксизма-ленинизма»). Читал доцент В.С. Гончаров. Запомнилось, что он произносил: «марксизьм», «ленинизьм» и т.д. Строго требовал конспектирования работ основоположников. Именно во время его лекции (мой 2 курс, март 1953 г.) кто-то открыл дверь и сказал: «Товарищ Сталин серьёзно болен». Моя соседка заплакала. Когда я спросила, о чем она плачет, она ответила: «Как же, товарищ Сталин болен».

Что творилось, когда стало известно о его смерти! Студенты старших курсов вступали в партию, у кого были деньги, ехали в Москву на похороны. Очень хорошо помню день его похорон. Нас всех (весь университет) стройными колоннами привели на центральную площадь. Там были репродукторы на высоких столбах: сейчас можно увидеть в кино: из таких узнавали о войне, Победе и т.д. Холод был невероятный! Мы стояли и слушали по радио трансляцию прощания со Сталиным. Врезалось в память: с площади тогда хорошо просматривался проспект, в те минуты он был безлюден. С одной стороны, недалеко от площади, была булочная. В то время в Воронеже было плохо с белым хлебом, булками. И вот замерзшие на площади люди видят, как из булочной спокойно выходит человек с «авоськой», полной белых булок. Все – на площади, поэтому в магазине нет никакой очереди... Реакция людей: «Такое горе, а он о булках думает!» Чувство было неподдельным. Как там, в известных стихах: «Мы так вам верили, товарищ Сталин, как, может быть, не верили себе»...

На мои студенческие годы выпали и хрущевское разоблачение, и короткое правление Маленкова, и другие события. Помню ту же Аллу Борисовну: как я сочувствовала ей, когда она требовала (иначе было нельзя!) знания определения соцреализма по докладу товарища Маленкова. Я и сегодня — разбуди меня — воспроизведу его слово в слово...

Ощущались ли в университете ветры перемен после смерти Сталина? Конечно. Хотя, на мой взгляд, и невероятное почитание Сталина при жизни, и реакция на его посмертное разоблачение – были не очень искренними. Речь Хрущева на съезде зачитали студентам (я не присутствовала, была в это время в поездке – ехала из Крыма).

Но одно помню великолепно. На 5-м курсе профессор Б.М. Бернадинер, заведующий кафедрой философии, во время лекции сказал: «Надеюсь, вы дождетесь того времени, когда генетика и кибернетика будут признаны науками». Сегодня я рассказываю об этом своим студентам. Они ведь ничего такого не знают...

Уже потом, после учебы в ВГУ, мне пришлось серьезно заниматься философией, я даже стала доктором философских наук, правда, на основе анализа литературных произведений.

Из преподавателей Воронежского университета, близких мне, вспоминается Нина Васильевна Соколова. Она читала нам литературу начала XX века и вела семинар по творчеству М. Горького. Перед войной Нина Васильевна училась в ИФЛИ, многое нам рассказывала, что ещё не было опубликовано (например, о Маяковском). Мы даже дружили «семьями». В университете я вышла замуж за историка-однокурссника Геннадия Золотухина, а Нина Васильевна с семьей была в Рамони, где жили родители Геннадия. Связь с Рамонью Н.В. Соколова продолжила и после нашего окончания университета. Никогда не забуду её душевного отношения. Последний раз я видела Нину Васильевну и её семью в 1960 году, когда с двухлетней дочерью приезжала в Воронеж к родственникам...

Помню и Анатолия Михайловича Абрамова. Он вдохновенно читал нам советскую литературу, особенно Маяковского (уже тогда он был автором книги о поэмах Маяковского), литературу, созданную в период Великой Отечественной войны. Уже после нашего выпуска он издал монографию «Лирика и эпос Великой Отечественной войны». Кстати, именно Анатолий Михайлович сказал мне на прощание: «Дина, надо публиковаться и защищаться». Я выполнила его наказ.

Диана Берестовская (справа) с Ниной Васильевной Соколовой

Так случилось, что в докторской диссертации я тоже обратилась к теме литературы о Великой Отечественной войне, правда, созданной уже в другое время — 1950—1980 годы. Так что перед Анатолием Михайловичем моя совесть чиста.

Что для меня ВГУ? В городе, где наши корпуса стояли посреди развалин, где томик Гегеля был только в читальном зале парткабинета при горкоме партии (профессор Бернадинер требовал его конспектировать, впоследствии, когда обсуждалась моя докторская, меня спросили, почему у меня так много Гегеля, я ответила, шутя, конечно: «Умру, но Гегеля не выброшу»), так вот, в этом городе был Университет, где мне дали основы научной работы... И моей школе, и моему Университету я обязана всем, чего я достигла в жизни.

Своим университетским учителям кланяюсь до земли.

Анатолий Михайлович Абрамов со своими дипломницами – Дианой Берестовской и Александрой Астреддиновой. Выпуск 1956 года

№9 • 2016